

Жан-Марк Эссале

ШЭНЬ
или
момент
творения

КНИЖНЫЕ СЕТИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ БУТИК

Москва 2021

УДК 615.814.1
ББК 53.584
Э86

SHEN OU L'INSTANT CRÉATEUR
par Jean-Marc EYSSALET

Эссале, Жан-Марк.
Э86 Шэн или момент творения / Жан-Марк Эссале ; [перевод с французского Н. Ю. Вахтиной]. — Москва : Издательский бутик «Книжные Сети», 2021. — 448 с.

ISBN 978-5-6043475-8-4

Доктор Жан-Марк Эссале (Jean-Marc Eyssalé) — французский врач, практикующий и преподающий китайскую медицину, основатель Института развития энергетики и китаистики (I.D.E.E.S.) в Париже, автор многих книг о китайской медицине на французском языке. Жан-Марк родился 26 сентября 1942 года в городе Нанте и в настоящее время проживает на юге Франции.

Книга «Шэн или момент творения» уникальна тем, что Жан-Марк Эссале передает в ней те знания, которые вы не найдете ни в одной книге по акупунктуре. В традиционном древнем понимании китайской медицины лечение — это интеракция между Шэнь-духом врача и Шэнь-духом пациента.

Жан-Марк Эссале призывает специалистов по китайской медицине прислушаться к себе, к своему сердцу и постичь Шэнь — Дух. В книге вы найдете информацию о наших трех сокровищах — жизненном начале Цзин, энергии Ци и Индивидуальном Духе Шэнь.

УДК 615.814.1
ББК 53.584

ISBN 978-5-6043475-8-4

© Guy Trédaniel Editeur — Paris, 1990, 2010
© Ги Треданель Издатель — Париж, 1990, 2010
© Вахтина Н.Ю., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке
ООО «Книжные Сети», 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Введение

Не так-то просто изложить в нескольких словах глубинный замысел такой работы. Лучше, наверное, сперва уточнить, чем она не является. Несмотря на все свои довольно очевидные «китайские украшения» и многочисленные цитаты великих классиков на языке оригинала, эта книга не претендует, да и не желает казаться плодом эрудиции и обращается не только к особой категории профессионалов.

Она не занимается популяризацией в современном значении слова: общие идеи, которые она излагает, не те, что сейчас в ходу и владеют умами сегодня. Но не исключено, что эти идеи смогут расширить понимание человека, его тела и его личной истории.

Чтобы такая затея могла претендовать на успех, нужно обратиться с вопросами к самому духу иероглифов, которые великие древние создали и использовали для названия своих самых проникновенных интуиций о генезисе человека и о различных планах реальности, из которых человек состоит и которые проявляет.

Идея состоит в том, чтобы не опираться на упрощения и схемы, предназначенные сделать новые знания доступными. Ведь основной мотив здесь не в том, чтобы задокументировать и передать неизвестные ранее знания и уж никак не сообщить новые верования!

Речь идет не более и не менее, как о приглашении обратиться снова, но с помощью других инструментов и слов, к прожитой нами реальности, представленной более глобально и более конкретно.

Эта реальность, это пережитое — у каждого из нас есть такой секретный мир, каждый знает его вкус. Никто вместо нас не может определить его качество.

Не будем, однако, заблуждаться: различий между египтянами, китайцами, кельтами или традиционными индийцами гораздо меньше, чем между китайцами древности и современным Китаем!

Но ни один из всех этих народов не передал нам в таком полном и оригинальном виде этот способ ощущать сущее и проживать его, способ, глубина, глобальность и современность которого вызывает столько волнующих и призывных вопросов у тех из наших современников, которые хотят «осознать».

Это опыт, который лично я прошел и могу поделиться его этапами. Может быть, небесполезным будет сказать несколько слов о том, каким было мое движение к такому приглашению к диалогу, каким для меня является эта книга.

С самого начала моего медицинского образования я был очарован восточной философией, ведами, буддизмом. Успехи в этом направлении существенно компенсировали недостатки классической интернатуры, воспроизведя, и даже усиливая, понимание радикального разрыва между телом человека и тем, что мы туманно называем его Духом: амальгамой, где можно обнаружить все, что нельзя определить напрямую: эмоции, аффекты, всю психику, да еще и что-то таинственное, что начинает существовать под именем души или духа только в свете имеющихся религиозных убеждений.

Это разделение, проживающее и отстаиваемое в качестве реальности настолько, что без него мы не умеем больше ни думать, ни действовать, является первой и основной причиной всех болезней.

Требует ли это разделение восстановления по типу того, что явилась источником «психосоматики»?..

С уважением относясь к такой перспективе, я не вижу в ней ничего существенно нового. Не важно, идет ли речь, с одной стороны, о физиологии, или — с другой — о некоторой концепции психической структуры. Тем самым была сделана только попытка перекинуть максимально возможное количество мостиков между двумя герметично закрытыми теоретическими блоками.

Когда я был в Африке и работал врачом-волонтером, этот разрыв показался мне только еще более вопиющим. Жалобы у подавляющего

количество консультируемых были одновременно точными и глобальными, а мой ответ, который я мог (и должен был) дать через четкую медицинскую технику — механическим, стандартным и часто грубым.

Тогда у меня возникло ощущение, что в тех случаях, которые не были тяжелыми или неотложными, лучше бы использовать терапевтический подход, адаптированный к этим созданиям с пробужденным телом, чей диалог с природой, с зарослями кустарника в горах или лесом так развит...

Ситуация граничила с абсурдом именно в случаях «психических» заболеваний: при депрессии или бреде... Чем могли помочь нейролептики при нарушении поведения, отчетливо связанного с семейной группой, с племенем, с их особыми конфликтами, так, что часто все семейство следовало за больным в больницу и, стена, «разбивало лагерь» под дверью его палаты?

В таких условиях, после бесполезной терапии отчаявшиеся медики призывали имама (мы были в исламской стране), который одновременно был великим главой целителей, и это решение давало, как правило, быстрые результаты.

Эти размышления, к которым меня привел мой суровый опыт в Камеруне, продолжились во Франции, где у меня была врачебная практика в деревенской местности, живой и традиционной одновременно.

С помощью первых теоретических и практических познаний в китайской медицине на самых затерянных фермах мне удалось постепенно сочетать классическую терапию и акупунктуру, чередуя эти подходы в зависимости от проблем и восприимчивости пациентов. От тех лет я сохранил уверенность, что любопытные законы обращения энергии в меридианах, описание видов пульса и диетических правил Пяти Вкусов в своем практическом применении не были обязательно китайскими. Они во многом совпадали с местными народными знаниями, пусть рассеянными и фрагментарными, но берущими начало в тех же интуитивных прозрениях и наблюдениях.

Прием, оказанный этой удивительной технике, которая тогда еще не была в моде, особое состояние и ни на что не похожие переживания, описанные многими пациентами, часто самыми простыми людьми, во

время и после сеансов, подвигнули меня углублять направление мыслей, взгляд на реальность, мир и телесность человеческих существ, предложенный особой системой китайской медицины и ее самой непривычной техникой акупунктуры.

Ведь если можно предположить общность традиции великих даосских текстов, таких как «Лао-цзы» или «Чжуван-цзы», имеющих хождение и даже известных на Западе, и китайской медицины, мысль о связи между этими двумя аспектами китайской философии все же казалась не такой очевидной и даже смелой. За неимением достаточно эксплицитных «связующих мостиков» между двумя разновидностями изложения, приходилось особым образом поддерживать дихотомию, традиционно подчеркиваемую на Западе, между философским даосизмом (в основном, его знаний о Духе) и популярным даосизмом (вобравшим самые разные эмпирические практики, часто телесные, связанные с космологией, которая считалась примитивной и даже самодеятельной).

Проекция этого чисто западного восприятия на китайский мир еще раз позволила в течение многих лет открывать для себя важность и оригинальность послания, которое Древний Китай оставил нам о Духе, Вселенной и телесности человеческих существ.

Дело даже не в том, что это послание содержит неслыханные откровения о происхождении и природе мира и тела человека — а описание энергетического тела с его ритмичными «точками» и «меридианами» можно уже считать фантастическим подарком человечеству. Скорее динамичный посыл этого послания о том, что такое тело является исключительным, без сомнения остается уникальным случаем в (известной нам) истории идей.

Эта глобальная философия с невиданной согласованностью приглашает нас — через посредство некоторого количества динамических, коррелирующих и иерархических координат, подобия гениальных «стикеров» которые сами по себе не имеют возможности существовать, — иначе понять, упорядочить, привести в движение все, что мы уже знаем, и, в частности, то, что составляет наш самый глубокий, жизненный и качественный опыт.

Это «иное» регулирование, этот запуск глобальности без разрыва с тем, что мы предчувствуем, является настолько открытой системой, настолько тотально адаптируемой, что противоречие, традиционно противопоставляющее слабые технические познания древних китайцев и океан современных открытий и знаний, остается беспредметным. Вопрос так не стоит. Наоборот, визионерские системы, оставленные нам китайцами, дают возможность динамично интегрировать, связать и, следовательно, лучше понять огромное количество современных знаний, если только научиться переводить их в термины энергетики.

В этом часто и состоит сложность: китайская традиция не предлагает знания в современном значении этого понятия.

В обширной системе, которую она излагает, в частности, говоря об аналогиях, опорные точки, ключевые слова по сути дела не соотносятся с внешними объектами или фактами, но имеют в виду специфические качества человеческого опыта, совокупности впечатлений, по ассоциации связанные с зонами тела, важнейшими плотскими моментами, существующими у всех нас, начиная с самых далеких наших предков. Их живое содержание, каждый раз разное, следует у каждого разглядеть.

И это содержание должно быть живым, в той скрытой и ответственной форме, которую предписывает человеку его собственный опыт, его конкретная и личная встреча с жизнью: это естественные координаты его чувства бытия.

Например, всем человеческим существам, с самой зари существования, известны восходы и заходы солнца. Они знают, что такое открывать глаза, просыпаясь, и закрывать глаза в прелюдии сна. Они знают особые жизненные качества, которые сопровождают этот естественный пунктир существования. И это знание, если его можно назвать знанием, настолько оно кажется само собой разумеющимся, является самым общим и принадлежит всем.

То есть в китайской философии есть специфические качества, допустим, чувственного порядка, которые обрамляют самое личное пространство человеческого существования. Это, например, направления пространства (они являются только развитием). Они выполняют важ-

нейшую функцию ориентации, тонкого упорядочивания и централизации каждого духа, каждой телесной живой личности в ее диалоге с миром.

Система меридианов, или Цзин Май (тонкие «пути и каналы»), имеет то же происхождение: это способ перевода в язык, в ритм, в текст и даже в «партитуру» отношения индивида к самому себе. Это отношение не является следствием диалога между макрокосмосом (Вселенной) и микрокосмосом (человеком). Это скорее одно из проявлений организующей силы, которая создает одновременно и отдельного человека и видимый мир, который человек проживает.

С этой точки зрения, согласно философии древних китайцев, система меридианов принадлежит не только нашему «личному» телу, нашей «бронной оболочке»... Она также соотносится с окружающей Вселенной, поскольку ее глубинная природа заключается в том, чтобы перевести в энергетическое и телесное пространство эти отношения равновесия, которые выражаются, помимо прочего, на всех контактных поверхностях, на всех оболочках эпитетия.

Эта власть отношений, которая порождает все энергии и дирижирует ими, все уровни опыта индивида, ассоциированные с особым качеством мира, увиденного им, наложившего отпечаток на его личность и неизменно переменного в зависимости от степени его открытости, в китайской философии получила название Шэнь 𩶓. Эта индивидуальная и универсальная структурирующая сила, одновременно причина и следствие сближения и союза между мужчиной и женщиной, отцом и матерью, связывается и конкретизируется в зачатии и развязывается при смерти каждого человека.

Худо-бедно мы переводим ее словом «Дух», но этот Дух не только не противопоставлен телу, но является генератором через оркестровку Энергий-носителей Жизненного начала, света, Воды и Пяти Вкусов.

В Шэнь 𩶓 нет противопоставления материального и нематериального... Дух одновременно распределяет и скрывает видимое и невидимое, тонкое и плотное, пустоту и полноту, которые появляются при всех оттенках появления и исчезновения Вселенной, центрированной отдельным индивидом.

На основании такого туманного предложения классическая западная система зрения легко может прийти к заключению о том, что здесь просто-напросто вмешиваются вера и спиритуалистические наклонности...

Эти свойственные нам наклонности так мало вписываются в контекст Китая, что можно прочесть, например, у Сонира в отрывке из его «Путешествия в восточную Индию и Китай», который цитирует Артур Шопенгауэр: «Когда иезуиты спорят с другими миссионерами, чтобы понять, обозначает ли термин Шэнь 神 Бога или Небо, китайцы, считая этих иностранцев буйнопомешанными, прогоняют их в Макао».

На примере использования «Шэнь 神» можно показать рабочий подход, свойственный любой синтетической, глобальной философии; Шэнь 神 — это способ собрать множество опытов, которые, как мы знаем, качественно и тайно связаны, но при этом нам не удается в точности схватить эту самую связь; мы почти можем сказать, что это «классификационное дерево».

Талант китайцев состоит, в частности, в том, что они сумели назвать эти интуиции теми словами, которые являются символическими представителями (идеограммами, пиктограммами), но одновременно отсылают к внутренней территории, которая есть у каждого из нас, и где аналитическая, концептуальная мысль оборачивается убожеством: ведь в ее рамках каждое слово, каждое имя — это «вещь», проекция в статусе объекта-дополнения, на том языке, на котором так называемый субъект-подлежащее общается с самим собой.

Слова-функции в китайской традиции всегда ведут в глобальную перспективу, окрашенную качеством, бесконечностью оттенков, которые нужно прожить и координатой которых служит слово.

Сказанное слово — это приглашение, вопросительное погружение в тишину, дверь в Метаморфозу.

Этот скрытый аспект древнего языка достигает кульминации в Хуа Ту, способ появления которых, случайный, показан в Гун Ан Чаня (коаны в дзен-буддизме): эти слова или междометия Учителя в адрес его ученика имеют такую бесконечную силу и оставляют ему так мало

возможности за них уцепиться, что они отправляют его прямиком в самое сердце тишины.

Написанное слово, как самая лучшая китайская живопись, отсылает к основе существования, к холсту, неподвижности, бесконечной пустоте, которую символизирует белоснежная бумага.

Эта интуиция нас очаровывает, эта свобода духа заговаривает с нами... Но ведь они принадлежат к древнейшим и таинственнейшим корням наших собственных культур, часто непонятых, отвергаемых, скрытых... В те времена расцвета всех видов знаний, практических познаний во всех областях, механистических докладов о Вселенной и теле, образ которого с раннего детства проходит дистилляцию в рамках исходного дуализма, в эти времена остается очень мало пространства и еще меньше слов для выражения прожитого глобально и свидетельств об интуициях и непосредственном опыте. Сюда тут же и отовсюду вклиниваются официальные интерпретации, ортодоксальные представления о теле и о «материи» и ставшие более-менее ортодоксальными представления о психике. На Западе, произнося или написав слово «энергия», почти неизбежно мы связываем его с определяющими его терминами: биологическая, человеческая, тепловая, электрическая, атомная...

То есть в нашем культурном пространстве мы признаем, что термин расплывчат, что его определения всегда были неполными, что он ни при каких обстоятельствах не должен использоваться в таком количестве разнородных контекстов... Одним словом, нас раздражает все, что в нем могло бы остаться подвижного, адаптивного, таинственного, расплывчатого, интуитивного.

Нас это возмущает и лишает чувства уверенности. Каждый раз хочется этот термин уточнить, определить, гарантировать ему ограждение, которое в целом сообщит ему статус «почти-объекта».

Иными словами, слова-функции, если они сильно выступают за пределы дозволенного и предусмотренного религией, метафизикой, философией в целом, психологией и немногих других областей, становятся опасными бродягами из-за широты их охвата, популярности и одновремен-

нного использования в научной сфере. Каждый раз нужно их снабжать паспортом установленного образца и следить за их перемещениями.

Я слышу, как некоторые здесь начинают мне возражать, говоря, что такие пререкания устарели, что современные открытия в некоторых областях происходят скорее, чем появляются слова. Вопрос не в том, чтобы не признавать головокружительный рост знаний, особенно в астрофизике или генетике. Но если посмотреть на наши слова и сравнить их с новыми реалиями, то можно ли сказать, что наше поведение фундаментально изменилось?

Этот догматизм, иногда очень тонкий и квазирелигиозный, пропитывающий науки, разве он и правда открыт жизни? Этот догматизм, конечно же, до сих пор помогал жизни, однако еще чаще он ею манипулировал, и даже издевался над ней?..

Зато в цивилизации Древнего Китая, когда произносилось слово «кот», то упоминался не только какой-то кот, но и «взгляд кота на мир» или, точнее, способ, которым тот, кто произносил «кот», свидетельствовал своим опытом и своими наблюдениями за котами о том, что он почувствовал, представил, вывел из их видения мира, неотделимого от «их кошачьего облика».

Иначе говоря, то, чем коты являются «в абсолюте», представляет собой чисто абстрактный, то есть безжизненный, вопрос, в котором нет «Духа».

Когда говорят «кот», то имплицитно свидетельствуют об отношениях. И я не знаю ничего более близкого к реальности котов, чем момент моего наблюдения, интенсивность моего внимания и качества бытия момента на том самом холсте, которые мы, кот и я, разделяем.

Это «радость рыб», о которой свидетельствует Чжуан-цзы в ходе непосредственного наблюдения за рыбами под мостом, возражая интеллектуалу Хуэй Ши, который оспаривает достоверность такой оценки.

Множество западных мыслителей, причем не самых последних, и без сравнения с другими культурами обнаруживали в современном подходе серьезные лакуны, определенную несостоятельность, непосредственно нарушающую те качества в нас, которые характеризуют человека.

Здесь мы приводим отрывок лекции Хайдеггера в Фрайбургском университете в 1951—1952 гг., появившейся под названием «Что зовется мышлением?».

«Мы стоим... например, перед цветущим деревом — дерево стоит перед нами. Оно ставит себя перед нами, представляет себя нам. Дерево и мы представлены друг другу тем, что дерево там стоит, а мы стоим против него. В этом отношении друг к другу — друг перед другом поставленности есть дерево и мы. В этом представлении нет речи о «представлениях», которые вертятся в нашей голове. Задержимся здесь на мгновение, так же, как мы задерживаем дыхание перед прыжком и после него. Мы сейчас именно прыгнувшие — прочь из привычного круга науки и даже, как окажется, философии. И куда же мы прыгнули? Может, в бездну? Нет! Скорее на почву, на землю. На какую? На какую-либо? Нет. На вполне определенную почву, на которой мы живем и умираем, если мы не обманываемся. Это странный факт или даже устрашающий факт — что мы сначала должны прыгнуть на почву, на которой мы, собственно, стоим. Если становится необходимым нечто столь редкое и странное, как такой прыжок, то должно произойти нечто, что дано для мысли. Если судить научно, то это есть ничтожнейший факт мира, а именно то, что каждый из нас по крайней мере раз уже стоял против цветущего дерева. Ну и что из того? Мы ставим себя против цветущего дерева, перед ним, а дерево ставит себя перед нами. Кто, собственно, здесь представляет? Дерево или мы? Или дерево и мы? Или ни то ни другое? Мы ставим себя такими, какие мы есть, а не только головой или сознанием против цветущего дерева, а дерево ставит себя перед нами таковым, каково оно есть. А не является ли дерево даже предшествующим и первенствующим перед нами? Представило ли себя дерево перед нами лишь тем, что мы можем подойти к нему и встать напротив?

Что происходит здесь — в том, что дерево нам себя представляет, а мы ставим себя напротив дерева? Где работает это представление, когда мы стоим против цветущего дерева, стоим перед ним? Понятому, в нашей голове? Несомненно, в нашем мозгу может происходить множество всякого, когда мы стоим на лугу и имеем перед собой стоящим цветущее дерево со своим цветом и благоуханием и внимаем

ему. Сегодня можно процессы, происходящие в голове, фиксировать как мозговые импульсы посредством соответствующих аппаратов и даже делать их акустически внятными и прорисовывать их движение при помощи специальных кривых. Можно, несомненно! На что только не способен сегодняшний человек! И он даже может с этими способностями местами помогать себе. И он помогает всюду с лучшими намерениями. Все можно, и, вероятно, никто из нас еще не подозревает, насколько человек в скором времени в науке будет всемогущим. Однако где же остается — ограничимся нашим примером — при научно регистрируемых мозговых импульсах цветущее дерево? Где остается луг? Где остается человек? Не мозг, но человек, который однажды утром, возможно, уходит в своей смерти от нас, а раньше попадался нам навстречу? Где остается представление, в котором дерево себя представляет, а человек ставит себя напротив дерева?

По всей вероятности, в процессе этого представления нечто происходит и в той области, которую описывают как сферу сознания или рассматривают как психику. Но стоит ли дерево «в сознании» или же оно стоит на лугу?

Лежит ли луг как переживание в душе или расстилается на земле? Находится ли земля в нашей голове? Или мы стоим на земле? Может возникнуть желание возразить: к чему такие вопросы о деле, относительно которого каждый справедливо согласится, что оно, мол, ясно всему миру как день — то, что мы на земле, а в данном избранном примере стоим напротив дерева? Но не будем слишком поспешны с такими допущениями, не будем принимать эту ясность слишком легко. Мы сразу же отказываемся от всего, лишь только нам такие науки, как физика, физиология и психология вместе с научной философией, со всей их оснащенностью примерами и доказательствами объясняют, что мы, собственно, не видим никакого дерева, а в действительности воспринимаем некую пустоту, в которой определенным образом рассеяны электрические заряды, мчащиеся с великой скоростью туда и сюда. Недостаточно того, что мы, как бы забыв на мгновение о науке, допустим, что мы, естественно, стоим против цветущего дерева, чтобы затем в следующее мгновение убедить себя с той же самооче-